

УЛОВКА

ВОДОРАСТОВ

В ДЖУНГЛЯХ

ДЛЯ БЕЛЫХ

БЕЛОБРОВЫХ—

ПОПОВ

18+

Азбука. Голоса

Владимир Белобров

**Уловка водорастов в
джунглях для белых**

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Белобров В. С.

Уловка водорастов в джунглях для белых / В. С. Белобров —
«Азбука», 2026 — (Азбука. Голоса)

ISBN 978-5-389-35318-3

От авторов «Красного Бубна», романа-фантазмагории о пальце Ильи-пророка, страшном дьяволе-оборотне Теофрасте Кохаузене, отважных обитателях деревеньки на Тамбовщине под названием Красный Бубен и их борьбе со вселенским злом. В новой книге бег по пересеченной местности российской литературы продолжается. Основная задача хорошей прозы какая? Не подчиняться интересам читателей. Читатель ведь чего хочет – чтобы писатель был и свой в доску, и чтобы штаны в полоску, и чтобы если обезьяна, то плачет. Мы читателя понимаем. А вот писательский дуэт Белобров – Попов не понимает. У него, у дуэта, упомянутая обезьяна не плачет – она смеется. Над читателями в первую очередь. И Арап Петра Великого – 2, Ганнибал, тоже смеется вместе с братом своим родным Занзибалом. И многие другие герои книги, проживающие как в джунглях для белых, так и вне их. Смех смехом, но скажем честно: эта книга полна опасностей. Здесь злодействуют водорасты, разбавляющие пиво водой, чтобы погубить человечество, здесь космос населяют дебилы, Муму возвращается из ада, на пляже Черноморского побережья объявился настоящий вампир, а слон Носов свинью Колбаскину полюбил. Поэтому будьте бдительны, дорогой читатель, тем более что в джунглях для белых уже наступает ночь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-35318-3

© Белобров В. С., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

От авторов	6
Джунгли для белых	7
Как слон Носов свинью Колбаскину полюбил	7
Глава 1,	7
Глава 2,	7
Глава 3,	8
Глава 4,	9
Глава 5,	10
Глава 6,	12
Глава 7,	14
Глава 8,	15
Глава 9,	17
Глава 10,	18
Глава 11,	18
Глава 12,	20
Глава 13,	22
Глава 14,	23
Глава 15,	23
Глава 16,	24
Глава 17,	25
Глава 18,	25
Глава 19,	25
Глава 20,	26
Глава 21,	26
Глава 22,	27
Глава 23,	28
Глава 24,	29
Глава 25,	32
Глава 26,	32
Глава 27,	33
Глава 28,	33
Глава 29,	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Белобров, Олег Попов

Уловка водорастов в джунглях для белых

От авторов

Эту книгу мы составили из двух ранее публиковавшихся книжек – сборника рассказов «Уловка водорастов» и книги сказок «Джунгли для белых». Первая была опубликована в 2003 году. Вторая – в 2010-м. С тех пор много чего поменялось не только в жизни, но и в нашем представлении о ней. Поэтому мы отредактировали старые тексты и добавили в книгу кое-что, чего раньше в ней не было.

Белобров – Попов

Джунгли для белых

Как слон Носов свинью Колбаскину полюбил Волшебная сказка

Не каждая дорога ведет в ад. Куак!
Пузыревич

Небо заботится о тупых животных.

Глава 1, в которой деревенская свинья Роза Петровна оказалась в лесу

В одном дремучем лесу жили-были звери: банда «Вампиры из джунглей», которой руководила зебра Кашенко, банда «Драконы из пещер», которой руководил кабан Кузнецов, и просто животные, которые жили честно и не знали продыху от этих бандитов.

Одна, например, свинья из деревни, которая пошла в лес поесть желудей, попала в лапы медведя Брауна, и Браун сам решил ее поесть, потому что недавно сбежал из зоопарка и жутко проголодался.

Но тут примчалась банда Кузнецова, надавала несчастному Брауну по почкам и отобрала деревенскую свинью. Ее покрыл главарь шайки лично.

– Теперь, – сказал кабан, вытираясь лопухом, – никто не смеет жрать эту свинью. Я один буду покрывать ее, когда захочу! Она под моей защитой! Все поняли?! – Кабан ударил себя в грудь копытом. – Звать ее... Как тебя звать?

– Роза Петровна Колбаскина, – хрюкнула печально свинья.

– Роза Петровна Колбаскина! Запомнили?!

Звери из банды промолчали. А деревенская свинья Роза села под куст малины и заплакала, сложив копытца на груди.

Глава 2, в которой появляются недовольные

Вечером сдох жираф. Звери собрались его покусать.

Но не всем нравилось такое угощение. Шакалу Вите, ворону Магамандаеву и червяку Свистунову жираф понравился. Он им и при жизни нравился. А мартышке Зверчук, верблюду Петровичу, медведю Брауну и одноглазому воробью Кутузову жираф не понравился. Те, кому нравилось есть жирафа, только причмокивали. А те, кому жираф пришелся не по вкусу, корчили звериные морды.

Медведь Браун покосился на свинью. Она наконец-то перестала реветь, сидела под малиной и гадала на ромашке. Медведь облизнулся и представил, что ест не жирафятину, а свинину. Но тут ему попалось жирафье сухожилие, и медведь чуть не сломал зуб.

– Отойдем, – шепнул Браун на ухо верблюду. – Мы пошли водички попить, – добавил он громко и направился к водопою.

К ним присоединились мартышка Зверчук и воробей Кутузов. Мартышка перепрыгивала с ветки на ветку. А воробей Кутузов перелетел с жирафа к верблюду на горб.

Глава 3, в которой дикие звери ждут перемен

Звери зашли по колено в воду. А Зверчук повисла вниз головой на ветке.

– Мы должны съесть свинью. – Браун зачерпнул лапой воды и попил.

– Кузнецов нам за нее бошки оторвет! Чирик-чирдык! – чирикнул Кутузов.

– Это точно, – кивнул Петрович и плюнул.

По реке поплыла пена.

Браун поморщился:

– Ты чего плюешься, Петрович? Мы отсюда пьем, а ты харкнул! Мы что, по-твоему, свиньи?!

– Вроде не свиньи, – отозвался верблюд, – а живем хуже свиней! Только что нас не напьяливают. И вынуждены не есть того, кого нам хочется!

– Чирик-чик-чик! – Кутузов перелетел с верблюда на медведя. – Чирик-чирдык свинью! – Он вытащил из кармана бритву и помахал ею перед собой.

– Ухо мне заденешь, раздавлю! – предупредил Браун.

– Это что же за порядки?! – Воробей не услышал, что сказал медведь, и продолжал размахивать лезвием. – При живой свинье я, как червяк Свистунов, должен жрать длинношею дохлятину?!

– Мне как травоядному эта свинья, в принципе, до лампочки, – сказал Петрович. – Но я за справедливость. Народ ходит голодный ради чужого удовольствия. Кабан опух! Пора его поставить на место. Предлагаю медведя поддержать и свинью съесть. Тогда все звери увидят, что можно не бояться Кузнецова, и разделаются с ним!

– И наступит *делократия*!

– Точняк! – Браун ударил лапой по воде так, что оглушил лягушку Пузыревич, которая из любопытства приплыла посмотреть, кто здесь топчется. Лягушка всплыла кверху брюхом, распластав руки-ноги. У нее был белый пупырчатый живот. – Я свинью поймал, а не полужирный! – напомнил медведь.

Верблюд нагнул голову и поправил очки.

– Медведь, ты Пузыревич угандошил.

– Где? – Медведь подцепил лягушку лапой и поднес к глазам. Зрение у Брауна было не очень, а очков он не носил. Он считал, что очки медведям не идут. Медведи в крайнем случае ездят на велосипеде, но очки не наденут никогда. – Ты чего, Пузыревич, тут делаешь?

Лягушка дернула лапой. У нее беззвучно открывался рот.

– Говори громче! – Браун приложил лягушку к уху.

Но Пузыревич говорить пока не могла.

– Пузыревич – шпионка Кузнецова! – чирикнул Кутузов и махнул лезвием над самым ухом у медведя. – Чирик-чирдык, шпионку на окорочка! Выпустим из нее всю икру!

– Вот только порежь мне ухо! – пригрозил медведь. – Пусть квакуха плывет! Ее приконтузило, она теперь долго говорить не сможет. Мы за это время свинью десять раз сожрать успеем! – Он кинул лягушку в воду.

Лягушка шмякнулась и осталась плавать на поверхности кверху пузом.

Воробей спикировал вниз, схватил Пузыревич за лапу и затащил на голову к медведю.

– Я ее все-таки прикончу и съем. – Сверкнула бритва.

Медведь махнул лапой и стряхнул с головы любителя французской кухни вместе с его зеленым деликатесом.

Воробей с лягушкой плюхнулись в воду.

Если бы лягушка не была плавающим средством, воробей бы утонул: он ведь все-таки не чайка, которая ныряет на два метра в глубину. Кутузов схватился за лягушкину лапу и вылез ей на живот.

– Ты чего, Браун?! С товарищами так не поступают!

– А если бы я тебе на голову залез?! – рявкнул медведь.

– Эй, Зверчук, – попросил Кутузов. – Кинь соломинку!

Обезьяна кинула воробью соломинку. Кутузов через отверстие надул лягушку и разлегся на ней, как на надувном матрасе. Подложил под голову крыло и чирикнул:

– Зимовать полечу в Сочи! Чирик!

Глава 4, в которой зебра Кащенко оглушила муху Дермонюхину

Весть про свинью разнеслась по всему лесу и докатилась до банды «Вампиры из джунглей». Зебра Кащенко сидела под дубом и чесала копытом за ухом.

«Игы-гым... Прибегает в лес бездомная домашняя свинья. Не все ли дикие звери должны ей насладиться?..» – Кащенко отломил ветку и отогнала ею от морды Цецилию Цицероновну Дермонюхину.

Муха Цецилия Цицероновна обогнула зебру и села у нее под хвостом.

«И почему это Кузнецов пользуется свиньей, как собственной? Законы джунглей по херу?! Интересы диких зверей попираются!»

Зебра хлопнула хвостом, чтобы созвать банду, и оглушила Дермонюхину. Дермонюхина повалилась на бок и задергала лапками.

Но звери из банды не услышали, как их главарь бьет хвостом. Тогда Кащенко встала, подошла к подвешенной на железном дереве сковородке, ударила по ней копытом и заржала.

Тут уж звери услышали. Уронила шишку белка Упырхликова. Шишка ударила дремавшего внизу лося Филиппа и отскочила на ежа Наколкина.

Наколкин фыркнул и откатился подальше. Но не так далеко, как было бы надо, потому что лось Филипп в это время потянул ноги и задел копытом ежу по затылку. Наколкин снова откатился, наколол по дороге множество листьев и заодно гадюку Веревкину на себя.

Прибежала кенгуру Бутылкина. У нее из сумки выглядывали уши ее сожителя зайца Динамо. За кенгуру полз крокодил Полботинкин. За крокодилом шагал страус Пиноккио. Последним явился осел Баратынский с открытым ртом.

Баратынский посмотрел по сторонам и спросил ослиным тоном:

– Иа! Чего это вы тут собрались?

– Собрались тебе, ишаку, навалить, – сказал крокодил Полботинкин. Он не любил осла.

– Иа! – Баратынский хотел убежать, но не успел. Его удержал за хвост лось Филипп.

– Стой, урод безрогий, – приказал лось.

Зебра Кащенко залезла на бугор.

– Звери добрые! – сказала она. – Кабан опух! Он нарушил закон джунглей. Все знают, кто заблудился в лесу!

– Иа! – крикнул Баратынский. – У нас в лесу заблудилась деревенская свинья! Иа!

– Заткнись! – рявкнул страус Пиноккио, который тоже не любил осла.

Зебра кивнула:

– Все звери – братья! Все звери одной крови! Лес – наш общий дом!

– Лес – наше богатство! – снова перебил Баратынский.

И тут же получил ногой от страуса. Баратынский влетел головой лосю в задницу, и тот лягнул его в морду.

– Лес – наш общий дом! – повторила Кащенко. – В лесу все общее! А кабан присвоил себе то, что принадлежит всем! Давайте же, звери добрые, пойдем и накажем кабана! И съедем, разумеется, свинью... чтобы в лесу наступила справедливость!

Радостными криками звери поддержали вожака. Всем хотелось отведать свежей деревенской свининки. Только лосю не хотелось есть свинью. Но он надеялся, что ему позволят в обмен на его долю мяса воспользоваться свиньей как женщиной. Лось почесал между задних ног и побежал за бандой.

Глава 5, в которой кабан Кузнецов поет о любви, а шакал Витя летает

Колбаскина гадала на ромашке, когда из кустов вышел попугай Каганович с сигарой в клюве.

– Пррривет, Ррроза! – Каганович щелкнул клювом и почесал грудь. – А пррравда ли, что в деррревне пррринято деррржать канаррреек?

Роза посмотрела на Кагановича грустными глазами и вздохнула:

– Правда.

– А пррравда ли, что канаррреек больше, чем кенарррей?

– И это правда...

– Э-ге-гей! Я так и думал! – Попугай заложил крылья за спину и прошелся взад-вперед, дымя сигарой.

– А как ты считаешь, – Каганович остановился и затаился, – если я прррилечу к хозяевам одиноких канаррреек и пррредложу им потоптать их перррнатых подррруг для яйценоскости, они согласятся? – Каганович выпустил дым и прищурился.

– Ах, деревня! – На глаза у Колбаскиной навернулись слезы. – Там было так хорошо! У меня были такие добрые хозяева! Они кормили меня из корыта вкууусными домааашними объеэедками! Я спала в сарае на сееене и проводила досуг с культурными домашними живоотными... Хрюй!

– Говоррришь, добрррые хозяева? Э-ге-гей! – Каганович скрестил крылья на груди и задумался. – Если бы я был добрррым хозяином, разрррешил бы я пррриличному попугаю потоптать канаррреек?.. Если бы я был на их месте...

Послышался топот, и на поляну выскочил возбужденный кабан Кузнецов.

Попугай юркнул в кусты.

Кабан налетел на Розу, придавил ее к земле и мощно покрыв.

Насладившись свиньей, Кузнецов сел на траву, взял гитару и запел:

Люби стесняться не надо,
Она для сердца отрада,
Она для смелых награда,
Она затем нам дана,
Чтоб наслаждаться ночами
С любовью встречей случайной,
Когда так сердце печально
Стучит в груди кабана.

Люби не надо бояться
Под белым цветом акаций,
Но если хочешь признаться:
«Любовь испита до дна», —

Я в поле чистое выйду,
Порою землю копытом
И там зарю обиду:
У кабана жизнь одна!

На краю поляны ел дыню телохранитель Кузнецова бегемот Жаботинский по кличке Ихтиандр, весь в наколках. На левом плече – русалка-бегемот. На правом – якорь, обвитый змеей, и надпись «Понтон». На пальцах – перстни. На груди было написано: «СЛОН». На спине был наколот акваланг. На животе – круглый аквариум с рыбками.

А у Кузнецова, кстати, были такие наколки: на груди – полужирные цифры «2.20». Никто в лесу уже точно не помнил, что это означает. Спросить звери боялись, но относились к наколке с уважением. На спине у кабана был наколот орел кабанского вида. На предплечье красовалась голая свинка с шестью титьками. Свинка с папироской в копытце сидела, закинув ногу на ногу.

Из кустов вышел шакал Витя.

– Мое почтение, – сказал он бегемоту и приподнял бейсболку. – Я к шефу.

– По какому вопросу? – Бегемот сплюнул косточки.

– Маляву принес от братана, – сообщил Витя.

Жаботинский положил дыню на землю, вытер лапы о жилетку и поманил Витю:

– Иди сюда.

Витя подошел. Бегемот ощупал шакала со всех сторон, нашел у него маленький пистолетик и засунул себе в карман.

– Пока у меня полежит. – Он ткнул шакала жирным пальцем в живот.

Витя согнулся пополам. Жаботинский заржал. Во рту у бегемота блеснули фиксы.

– Ты чего, Ихтиандр?! Больно же! Синяк у меня теперь будет!

– Ты сам как синяк. – Жаботинский хлопнул Витю по спине, подталкивая вперед.

Витя остановился у Кузнецова за спиной, дожидаясь, когда кабан закончит песню:

...У кабана жи-и-изнь одна!

Закончив петь, Кузнецов взял с подноса рюмку водки, опрокинул себе в рот, закусил желудом и закрыл глаза. Рядом на боку лежала и посапывала свинья.

– Кхе-кхе, – покашлял сзади Витя.

Кузнецов повернул голову:

– Чего надо?

– Кхе-кхе! Принес маляву от вашего братишки Краковского. – Витя протянул письмо.

– Читай вслух. Я очки не взял. – Кабан закинул руки за голову и вытянул задние ноги.

– Кхе-кхе! – Шакал развернул бумагу, наморщился. – Тут написано... ме-э-э... Ваш братишка пишет, что ваши общие деньги... которые он вложил в бизнес... ме-э-э... пропали...

– Что?! – Кабан вскочил, чуть не раздавив гитару. – Чьи деньги?! Куда пропали?!.

Шакал приблизил листок к глазам и наморщился сильнее.

– Тут как-то непонятно... В общих чертах, пропали... Пишет, что... может, это и не ваши деньги... а только его... – Витя посмотрел на Кузнецова и неуверенно улыбнулся. – Давайте, шеф, я сбегая еще раз, попрошу, чтобы поподробнее написал...

Кабан ходил по поляне взад-вперед, опустив голову. Наконец он остановился, посмотрел перед собой и хрюкнул:

– Обмозгуем... Какие устные новости?

Витя переступил с ноги на ногу:
– Не знаю, как сказать...
Кабан сверкнул и глазами.
– Это... Недовольных в лесу много. – Шакал развел передние лапы.
– Не понял?!

– Звери думают, что ее... – Витя кивнул в сторону Колбаскиной и вздохнул, – вашу женщину Розу Петровну... нужно почему-то съесть... Ходят... базары, что вы, шеф, того... нарушаете законы природы...

– Чего?! – Кузнецов схватил Витю за грудки и приподнял. – Что ты сказал, шакал?!

– Ой-ёй-ёй!.. – Витя задрогал ногами. – Это не я сказал... Так говорят звери.
Кузнецов поднял Витю над головой и швырнул в кусты.
– Кто я, по-твоему?!

– Вы царь зверей, – высунулся из куста Витя. На мокром носу появилась царапина.
– Я – царь зверей! Я сам законы природы устанавливаю! А из критиков делаю ромштекс!

Понял, щенок?! Так всем и передай, кого увидишь!

– Передам... – Шакал высунул из куста всю голову. – Но... все-таки... я не мог не сказать... потому что это конкретные базары.
– Ну-ка иди сюда! – попросил кабан.
Шакал высунулся еще немного.
Хрясь! – Кузнецов надел Вите на голову гитару. Звякнули струны.
Витя хотел юркнуть обратно в кусты, но не смог. Кузнецовская гитара на голове не давала ему такой возможности.
Кабан поднял гитару за гриф вместе с шакалом, раскрутил над головой и швырнул.
Шакал в гитаре просвистел над Жаботинским, который доедал вторую дыню. Бегемот выхватил пистолет и стрельнул в Витю, но промазал. Витя плюхнулся в воду ногами вниз и поплыл по течению, обдумывая горькие мысли.
«Шеф перенервничал», – думал Витя.

Кабан растолкал Розу Петровну и мощно покрыл ее, чтобы снять стресс.

Глава 6, в которой к петуху Моисееву прилетел ангел

Петух Моисеев сидел на заборе и думал о том, как тяжело жить в деревне. Здесь невозможно найти партнера с образом мыслей. «Какая ирония! – думал Моисеев. – Мне с моей тонкой организацией родиться в деревне для того, чтобы орать по утрам и топтать глупых куриц!»

Внизу курицы клевали пшено и перловку. Моисеев пригорюнился: «Ну хоть бы еще одного Петрушу. А то ж одни бескультурные индюки! С соплей на клюве! Фу!»

Внизу закудахтали куры, требуя внимания.
Моисеев отвернулся и скрестил на груди крылья.
Куры смотрели вверх. А одна, самая злонесущая курица Табакова, заявила:
– Кудях-мудях! А вот увидят хозяева, что у нас яиц нету, тебе шею-то и открутят! Ко-ко-ко! А на твое место возьмут нормального мужика!

Моисеев закатил глаза, прыгнул с забора на Табакову и со злостью ее оттоптал. Ее страстные кудахтанья раздражали его.
Наконец Табакова вылезла из-под Моисеева, встряхнулась и сказала:
– Можешь же, когда захочешь!
Другие куры тоже потребовали.

– Все! Шабаш! – отрезал Моисеев. – Табакова из меня всю кровь высосала! – И пошел в курятник.

Сел на жердочку и загрустил.

– Прррпростите, уважаемый! – услышал он голос сверху.

Моисеев заморгал. На потолке, зацепившись лапами за крючок, висела невероятной красоты птица. У нее были перья всех цветов радуги, экзотический зеленый нос с горбинкой и круглые синие глаза. Голову красавца украшала прическа: стоявший торчком красный чубчик. Птица курила длинную тонкую сигару.

– Ррразрррешите прррпредставиться! Каганович. Попугай.

– Моисеев. Петух.

– Прррпростите, уважаемый петух! Нет ли в вашем доме канарейки?

– Что вы! – Моисеев махнул крылом. – Канарейки живут в интеллигентных домах! А здесь, – вздохнул он, – только глупые куры, среди которых угасает ваш покорный слуга. – Петух уронил голову.

– Куррры? Это те товарристые птички на улице?

– Именно!

– Это интеррресно! – Попугай перелетел с потолка на стену и приложился глазом к дырочке от сучка. – Интеррресно! – Он перебирал стройными лапками и крутил хвостом. Хвост у попугая был просто чудо. Предел мечтаний! Экзотик! – А вы им, пардон, кем пррриходите? – спросил Каганович, не отрывая глаза от дырочки.

– Да как вам сказать... – Моисеев покраснел. Было неудобно признаваться этому прекрасному юноше. – Я узник! Невольник чести! – Петух прикрыл глаза крылом.

– Как это, как это?

– Меня шантажируют! Меня принуждают заниматься унижительным делом!.. Топтать... куриц. – Моисеев всхлипнул. – Если я не буду этого делать, мне отрубят голову и сварят в кастрюле с лапшой!

– О-о-о! – Попугай оторвал глаз от дырочки и посмотрел на Моисеева. – Пррризнаться, ничего не понимаю! – Он выпустил в дырочку дым.

– Ну как вам объяснить... Ко-ко... – Моисеев провел крылом по гребешку. – Если ты родился с тонкой душой, трудно терпеть общественное лицемерие... Ко-ко...

– Так-так! – У Кагановича блеснули глаза. Он перелетел со стены на жердочку и сел рядом с петухом. – Может быть, вам нужен помощник? Нельзя ли это устроить?

– Как? Ко-ко!.. Вы хотите тут остаться? Со мной?

– Ну да. Почему нет?

– Ко-ко!.. О небо! – Моисеев сложил крылья перед собой, посмотрел в потолок и подогнул ноги в коленях. – Спасибо тебе, что ты услышало мои молитвы и прислало в этот всеми забытый курятник ангела, прекрасного и самоотверженного юношу!

Каганович решил, что петух чокнутый. Несет какую-то хрень, когда у него под боком такая лафа!

– Так чего? Я остаюсь?..

– Конечно, конечно! Ко-ко! – Петух прищурился. – Никогда прежде не видел я такого красивого хвоста, как у вас! Не позволите ли потрогать его? – Моисеев зарделся, у него на голове задрожал гребешок.

– Трррогайте на здоррровье. – Каганович повернулся к петуху хвостом и подумал, что его мечты наконец сбываются.

А до этого ему не везло. Однажды, например, его соблазнили большие глаза одной совы. Он, зная, что днем сова ни фиги не видит, решил залезть к ней в дупло под видом ее мужа филина Вафлина. Каганович залетел в дупло, сразу нащупал там сову и стал к ней пристраиваться.

«Хто тут?» – спросила в темноте сова. «Это я, твой супруг Вафлин! Ух! Ух!»

Но этот план он плохо продумал. Совы в дупле не оказалось. Сова поругалась с мужем и ночевала в дупле у мамы. А в этом дупле сидел сам Вафлин. Кагановичу не удалось его обмануть, и он получил от Вафлина жесточайших дроздюлей. В следующий раз Вафлин пообещал оторвать ему хвост. Попадал он и в другие тому подобные ситуации...

Но на этот раз у Кагановича получилось. Ему удалось стать кузнецом своего счастья. Сейчас он вылетит, спикирует прямо на куриц и будет их топтать-топтать-топтать, всех без разбора. От возбуждения у Кагановича поднялся хохолок, и он быстро-быстро стал переступать с ноги на ногу.

– Ко-ко! – Вдруг на спину Кагановичу вскочил петух и начал топтать его самого.

Тут до Кагановича наконец дошло, с кем он имеет дело. Попугай крепко обхватил жердочку ногами и крутанул солнышко. Моисеев полетел головой в угол.

– Ко-ко! – крикнул петух.

Попугай уже хотел начистить Моисееву клюв, но тут ему в голову пришла идея поинтереснее.

Глава 7, в которой Каганович нашел свое место в жизни

Каганович сидел на заборе очень довольный. Внизу ходили счастливые куры. Каганович прищурился на солнышко. Ему удалось отделаться от петуха. Хорошо, что он сдержал свои эмоции и подчинил их разуму.

Он наврал Пете, что раньше и сам был такой. В лесу, откуда он прилетел, все такие. Но постепенно он пресытился извращениями и специально прилетел в деревню, чтобы попробовать что-нибудь новенькое. Если же Моисеев желает найти бойфрендов, ему нужно прямо-таки в лес. Дикие животные живут по совершенно иным законам, не как домашние. Хозяевам выгодно, чтобы домашние животные плодились. Хозяева просто наживаются на этом. А дикие звери сами себе хозяева: хотят – размножаются, не хотят – не размножаются, а, наоборот, предаются разнообразным поэтическим извращениям. Называется – делократия.

У петуха засверкали глаза, и он решил немедленно отправиться в лес. Каганович пообещал пока за него подежурить: если Моисеев захочет вернуться (что вряд ли), его курятник будет в полном порядке. Каганович посоветовал Моисееву сказать в лесу, что он от него, и тогда дикие звери уж точно устроят петуху королевский прием.

Напоследок попугай рекомендовал Моисееву пообщаться с главными лесными пидарасами – кабаном Кузнецовым и зеброй Кашенко. Моисеев несколько раз повторил вслух их имена, чтобы не забыть, и побежал в лес.

– Счастливого пути! – Каганович прыгнул с забора и потоптал курицу Табакову.

– Вы тако-ко-ко-кой мужчина! – Табакова отряхнулась. – Мы уж думали, что так и попрем нетоптаными!

– Ко-ко-ко! – закудахтали остальные куры и закивали.

– Наш хозяин будет вами очень доволен!

– Он вас будет кормить как родного!

– Пррректно! – Каганович был счастлив. Он думал, что ему придется прятаться в курятнике, а теперь узнал, что может свободно разгуливать, где хочет, и вдобавок получать нормальное питание.

Глава 8, в которой свинья Колбаскина объясняет слону Носову разницу между домашними и дикими животными

Последним про Розу Петровну Колбаскину узнал слон Носов. Все звери с детства воспитывались в диких лесных условиях, когда хочешь не хочешь, а приходилось вступать в преступную группировку, чтобы тебя не съели. А слон благодаря своим габаритам мог не опасаться за жизнь и сохранять независимость. Банды пытались привлечь Носова для веса, но слон отказывался.

Однажды кабан Кузнецов провалился в болото. Хорошо, что рядом оказался слон. Носов вытащил кабана хоботом. Кузнецов назвал его братом, сказал, что отныне он его вечный должник, и Носов может просить у него, что хочет. Но Носов ни в чем не нуждался. У него и так все было: большой вес, огромные уши, сильные ноги, длинный хобот, которым он мог срывать с верхушек деревьев самые вкусные листья и плоды и пить из глубины водоемов самую чистую и прохладную воду. Ну что еще надо слону? Натура у Носова была добрая и справедливая. Никого из зверей слон зря не обижал. Только если увидит сверху какую-нибудь несправедливость, сразу даст по голове хоботом и скажет: «Больше так не делай!» Слухи слона тоже не интересовали. Поэтому и про Колбаскину он узнал последним.

Носов гулял, как обычно, срывая с верхушек деревьев вкусные вещи и отправляя их к себе в рот, когда услышал внизу всхлипывания.

«Кого-то обидели... Кто-то внизу страдает...»

Он опустил голову и увидел под кустом свинью. Колбаскина гадала на ромашке и всхлипывала, утирая пяточек копытцем.

Слон влюбился в нее с первого взгляда.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я слон Носов.

Увидев над собой слона, Колбаскина сразу перестала плакать и отодвинулась поглубже в кусты.

– Не бойтесь, я добрый... Кто вас обидел?

– Я свинья Роза Колбаскина из деревни. – Она вздохнула. – Меня никто особо не обижает. Только я скучаю по дому. Я очень привыкла к тем условиям, а к этим диким условиям я привыкнуть никак не могу. Я домашнее животное, а у домашних животных все по-другому. Разница между домашними и дикими животными така-а-ая больша-ая...

– Какая же между ними разница? – спросил Носов, который любил узнавать все новое.

– Домашние животные служат человеку. Он их разводит, заботится о них и ухаживает за ними. А потом он их кушает. Это очень по справедливости.

– Как же это? – удивился Носов. – Что же тут справедливого? Это же ужасно!

– Не ужасно, а прекрасно покинуть этот мир, достигнув наибольшего веса и не узнав старости.

– Интересно. – Носов задумался. Он почесал хоботом за ухом и спросил: – А чем-нибудь еще отличаются домашние животные?

– Селекцией. – Колбаскина положила на землю ромашку и показала слону бедро. – Видели вы у кого-нибудь в лесу такую ножку?

Слон отрицательно помотал головой с хоботом.

– Еще бы! Потому что я дитя селекции! Это здесь в лесу все спариваются без всякого высшего смысла и производят низкокачественное потомство. А чтобы меня произвести, выписывали благородного хряка Рональдо Гримальдоса, чтобы он покрыл мою породистую мамашу Земфиру! И знаете, сколько в моей маме было тогда килограммов?

– Сколько? – спросил Носов.

– Пятьсот!

– Ого! – сказал Носов из вежливости, хотя, сами понимаете, для слона это была не цифра, конечно.

– Я спала в теплом сарае, ела объедки с хозяйского стола, общалась с культурными животными: с гусем Лапкиным, с козой Кошелкиной, с бараном Родригесом, с коровой Зыкиной, с овцой Репиной, с собакой Павловой и с кошкой Сарафановой, с курицами и их петухом Моисеевым, интеллигентнее которого я вообще никого не знаю... Вечерами мы собирались во дворе и беседовали о культурных событиях. Моисеев рассказывал нам, что есть на земле город. Город – это такое место, где все культурно и очень красиво. Там такие высокие курятники, на которые не может залететь ни один петух!

– Кажется, я знаю, про что вы говорите. У нас в лесу есть такое место. Когда-то давно, когда мой дедушка слон Хоботович топтал эту землю, в том месте жили люди. А теперь там живут бандерлоги. Мартышка Зверчук оттуда. Если хотите, я могу вас туда отвезти.

– Хрюй! – Колбаскина вскочила, радостная, на ноги, но тут же опять погрузилась и села под куст. – Хрюууу. – Она опустила голову на грудь. – Нет, ничего не получится...

– Но почему же?! – протрубил слон.

– Я боюсь кабана Кузнецова... Он заявил на меня права... Говорит, что я его свинья... для персонального покрытия. Он запретил мне уходить с поляны...

– Кузнецов мой брат, – сказал Носов. – Мы с ним договоримся.

– Правда? – Колбаскина перестала всхрюкивать.

– Да. – Слон кивнул головой с хоботом.

– Мне кажется, что вы хороший мужчина... Надежный слон.

Носову стало очень приятно от таких слов. Он маленько порозовел, и его большое сердце застучало в груди немного быстрее.

– Так я вас отвезу? В город. – Он опустился на одно колено и протянул свинье свой хобот.

– Вы хотите, чтобы я поехала на вас верхом?

– Мне бы это было очень приятно.

– Хрю-хрю! Как это романтично! Я еще никогда ни на ком не ездила! – Колбаскина села на хобот, и слон перенес ее на спину. – Хрюй! Как на качелях! У меня кружится голова! Хрюй! Я боюсь!

– Держитесь, пожалуйста, крепче за мои уши! Вам удобно?

– Хрюй.

Слон поехал. По дороге он срывал хоботом самые вкусные плоды и листья и вручал их Колбаскиной. Колбаскина ела, похрюкивая, и вертела головой. Необычно было смотреть на все сверху вниз.

– Вы такой бесстрашный слон! Вы все время смотрите с такой высоты и не боитесь упасть! А вот я не успела немного на вас посидеть, как ужасно испугалась. Только и успокаивает то, что подо мной меня поддерживает такой большой и надежный, я полагаю, мужчина, который может не только защитить женщину, но... – Она откусила от лесного яблока. – Но и... хрум-хрум... обеспечить ей достойное времяпрепровождение... Хрум-хрум... Некоторые не понимают, что для женщин главное не интимная близость... Хотя это, конечно, тоже важно... Хрум-хрум... Но важнее для женщины внимание... А ваш... хрум-хрум... извините меня, брат только о себе думает... Налетит... хрум, – свинья доела отгрызок и выплюнула со слона косточки, – покроет – и давай на гитаре бренькать!.. Я, конечно, не против музыки, потому что музыка повышает аппетит и обеспечивает прибавление веса... Но вот если бы он сказал мне: «Роза, давайте я сыграю вам серенаду!..» – вот я бы тогда послушала. А то сядет и орет для собственного удовольствия всякую похабщину... «Кабаны, кабаны, не носите штаны...»

Носову вдруг срочно захотелось по-большому. Но было как-то неудобно заниматься этим при Розе. Первое как-никак свидание. Однако с каждым шагом терпеть становилось все труднее.

«Наверное, я съел что-то не то, – думал Носов. – Вот незадача! Прихватило в самый неподходящий момент. Что же мне делать? Предложить Розе подождать меня, пока я схожу в кусты, как-то неудобно... Может, сделать это на ходу? Роза Петровна смотрит вперед и, скорее всего, ничего не заметит... Главное, не наделать шума...»

Носов поднатужился и спросил:

– Вас не укачало?

– Нет! Мне здесь прекрасно!

– Хотите, я вам музыку поиграю?

– Серенаду?

– Да...

– Хрюй! Как романтично! – Роза захлопала.

Носов поднял хобот и оглушительно затрубил.

– Ту-ру-ру! Ту-ру-ту-ту! Тру-ту-ту!.. Ту-ру-ру-ру!.. Вам нравится?..

– Это джаз?

Носов не знал, что такое джаз, но кивнул, напрягся и снова затрубил.

– Ту-ту-ру, ту-ру-ту-ту-ру-ту-ту-ру! Вам какие больше песни нравятся: медленные или быстрые?

– Мне больше всего нравятся песни про любовь! У нас в деревне петух Моисеев великолепно пел про любовь. – Колбаскина набрала воздуха и запела:

Кукареку, кукареку,
Как жить непросто петуху!
Ах, жить бы мне в Испании,
Не думать о питании...

Носов подыграл Колбаскиной на хоботе:

– Ту-ту-ру!.. Пыррр!.. Ту-ту-ру!..

– Чем-то запахло. – Свинья подвигала пяточком. – Фу!

– Да... действительно, чем-то пахнет нехорошо. – Носов сорвал пальмовый лист и принялся обмахивать им Колбаскину.

– Уже не пахнет, – сказала скоро Колбаскина.

Носов завернул хобот за спину, подтерся листом и выкинул его назад.

– Товарищ Носов, – попросила сверху Колбаскина, – остановите, пожалуйста, я по-большому захотела.

«Вот это женщина! – подумал слон, вставая на колено. – Какая она смелая и непосредственная! Не то что я...»

Глава 9, в которой шакал Витя вляпался

Шакал Витя шел за слоном по пятам. Он первым увидел, что слон украл женщину его шефа, и обрадовался. Он решил проследить за Носовым и доложить Кузнецову, куда делась его Колбаскина. Кузнецов тогда поймет, какой Витя ценный зверь, и будет им дорожить. Такие приятные мысли думал шакал Витя, пока не вляпался в слоновью лепешку и не увяз в ней сразу по пояс.

Витя задергался, пытаясь вылезти, но помет был вязкий и крепко удерживал шакала. Он не на шутку перепугался, что останется здесь навсегда. Витя задвигал бедрами и начал разгребать лапами. Брызги летели во все стороны, попадая шакалу в глаза и в нос. Наконец Витя вылез из кучи по уши в дерьме.

Теперь ни о какой слежке речи быть не могло. Впрочем, Витя и так уже знал, куда пошли слон со свиньей.

Шакал отряхнулся и побежал к кабану. За ним увязалась муха Дерьмонюхина.

Глава 10, в которой слон Носов сдувает Пузыревич

Воробей Кутузов отвязал от колышка хорошо надутую лягушку. Пузыревич, медленно вращаясь, отплыла от берега. Воробей перепрыгнул на нее, лег на спину, заложил крылья за голову и стал мечтать: когда они прикончат свинью, он продаст кому-нибудь свою долю мяса и полетит в Сочи, где столько всего. Он будет жить там, как король, на пляже в урне. Будет есть кукурузу с солью, виноград и козинаки. Он снимет себе самую грудастую и хвостатую местную проститутку и будет ее гонять...

– Эй, Кутузов, ты что делаешь?!

Воробей открыл единственный глаз. Над ним болтался хобот.

– Ты зачем Пузыревич надул? – спросил слон Носов.

– Она сама надулась. – Воробей сплюнул, так сказать, сквозь зубы.

– А вот мы сейчас у нее спросим. – Носов сбил Кутузова хоботом с лягушки.

– Ты чего, слон?! Думаешь, здоровый, и все можно?! – Кутузов отлетел подальше и выхватил бритву.

И тут он заметил на слоне Колбаскину. Поездка в Сочи накрылась. Слон их опередил!

Носов тем временем вытащил из Пузыревич пробку, положил лягушку на землю и легонько надавил на нее ногой.

Пшшш! – Пузыревич сдулась, дернулась и перевернулась на живот.

– Кто тебя надул, квакушка? – спросил Носов.

– Кутузов! Хулиган!

– Понятно. – Слон кивнул. – Ну, плыви, зеленая.

– Спасибо, Носов! Квак! Теперь ты как брат мне! Если чего надо, не стесняйся! – Пузыревич прыгнула в воду и исчезла в глубине.

– А тебя я поймаю, – Носов погрозил воробью хоботом, – и, блин, хоботом-то припечатаю, чтобы больше так не делал!

– Я тебе хобот отрежу! Дылда! – Кутузов махнул бритвой и упорхнул к своим друзьям медведю, верблюду и мартышке рассказать, что слон украл у них свинью.

Глава 11, в которой шакал Витя опять летает

Шакал Витя вышел на поляну. Там лежал на животе Кузнецов. На нем сидел комар Децл и колол кабану новую татуировку. Татуировка была такая: кусок сыра с дырками, рядом кусок колбасы с жиром, сверху надпись: «УНИВЕРСАМ».

– Стой! – остановил Витю Жаботинский. – Сдать оружие!

– Я тебе в прошлый раз сдал.

– Точно. – Бегемот засмеялся. – Как прошел полет?

– Нормально. – Витя понюхал носом. – Чем это воняет? – спросил он, чтобы на него не подумали.

– Кто-то насрал, – принялся Жаботинский. – Не пойму, откуда несет.

– Это Носов. – Шакал нахмурился. – Я точно знаю... Мне нужно с шефом перетереть.

– Валяй. Давно не видел летающих шакалов! Ха-ха-ха!

Витя не отреагировал на обидное замечание и пошел, виляя хвостом. За ним, уворачиваясь от хвоста, летела Дермонюхина.

Шакал остановился сзади и покашлял. Кузнецов поднял голову и посмотрел на него.

Витя улыбнулся:

– Наше вам, шеф!

Кабан нахмурился:

– Если насчет Розы чего еще скажешь, убью!

Витя перестал улыбаться. При таком условии его визит терял всякий смысл.

– Хорошо, – ответил он. – Можно я последний раз скажу и больше не буду? Это очень важно.

– Давно не летал?

– Наоборот. – Витя повилял хвостом и чуть не задел Дермонюхину. – То, что я вам расскажу, заставит вас позабыть обо всем!

– Ну, блин, ты даешь! – Кузнецов сел на пенек и закинул в рот желудь. – Мне это уже начинает нравиться. Таких рискованных шакалов я в лесу еще не встречал! На! – Он бросил Вите желудь.

– Вот спасибо. – Витя положил желудь в рот и хрустнул. – Давно я желудей не ел!

– Шеф, – загудел у кабана над ухом комар Децл, – прервемся?

Кабан повернулся к нему. Витя быстро выплюнул желудь под куст.

– Полетай пока вон там, – сказал Кузнецов. – Пососи у Жаботинского кровь. А будет возвращать, скажи, я разрешил.

Комар улетел к бегемоту.

Кабан посмотрел на шакала:

– Ну и чего такого ты мне хотел сообщить, от чего я про все забуду?

– Да-да-да, – заулыбался Витя, – только что вашу женщину Розу Петровну похитил слон Носов!

– Врешь! – Кабан вскочил на ноги.

– Чтоб я так жил! Он повез ее на спине в старый город...

– Зачем?!

– Не знаю точно. – Шакал пожал плечами. – Мне кажется, что слон симулирует чувства к свинье...

– Твою свиномать! – Кузнецов заложил передние копыта за спину и походил вокруг пня. Хвост у кабана то распрямлялся, то закручивался штопором. – Что он ей говорил?

– Свинья высказывала опасения, но Носов убедил ее, что вы его брат и с вами он добьется без проблем.

– Вот гад носатый! Брат он мне... Братья так не поступают. Брат у брата бабу не ворует. Не брат он мне больше! Капец слону! – Кузнецов схватил новую гитару за гриф. Витя отскочил. Кабан размахнулся и разбил инструмент о пенек. Потом сел и задумался. – Это дело надо прохрюкать со всех сторон. Слон здоровый, на него наехать сложно. – Он вытащил ракушку с порошком и понюхал. – Прислали из Америки, – объяснил Кузнецов. – Планировать помогает... Обостряет все чувства... Чем это от тебя несет?

– Это на меня Носов наложил, когда я к вам торопился. Хотел меня в дерьме утопить, чтоб никто не узнал, что он свинью у брата украл.

– Ну и гад же ты, Витя! У меня и так градус на нуле, а тут еще ты воняешь, как сто козлов! – Кабан схватил Витю за хвост, раскрутил и швырнул. – Помойся, говнюк!

– Я тебя понял, – сказал Жаботинский комару. – Понял, чего ты хочешь. Но ты, Децл, я думаю, плохо понял шефа. Шеф пошутил, а ты купился! Ха-ха! – Бегемот ненатурально засмеялся. – У меня шкура такая, что ты ее фиг проколешь! В этом весь смысл шутки. Ха-ха! – Ему было не очень-то приятно, что какой-то мелкий гад начнет сосать его кровь.

В этот момент над ними пролетел шакал Витя, вращаясь в воздухе, как бумеранг.

– Смотри! – Бегемот показал в небо.

Комар задрал окровавленный нос кверху. А когда опустил, Жаботинского рядом уже не было. Бегемот слинял.

Шакал упал в воду. Дермонюхина едва успела слететь с его хвоста. Если бы она не успела, то ее точно бы слопала Пузыревич, которая, пока плавала надутая, сильно проголодалась.

А шакал Витя плавать не умел. В прошлый-то раз ему не давала утонуть гитара на шее, а теперь его ничего не держало на поверхности. Хорошо, что, спасаясь от кровососа, в воду прыгнул Жаботинский. Волной от бегемота Витю выбросило на противоположный берег. Рядом с Витей на берег вынесло Пузыревич. Витя хотел дать по ней ногой, но Пузыревич успела перевернуться и прыгнуть обратно в воду.

Глава 12, в которой ансамбль «Животные» исполняет песню, а шакал Витя мечтает о славе

Ансамбль «Животные» играл песню «Обезьяна Чи-чи-чи». Медведь Браун играл на барабане. Верблюд Петрович играл на губной гармошке. А мартышка Зверчук играла на гитаре и пела. Не хватало еще воробья Кутузова, который должен был играть на треугольнике.

Зверчук пела:

Обезьяна Чи-чи-чи
Продавала кирпичи...

– Ча-ча-ча! – подпевал верблюд Петрович.

За веревку дернула...

– Ча-ча-ча!

И случайно пернула!
Тррррррр!

– Ча-ча-ча!

Обезьяна Чи-чи-чи
Продавала калачи!

– Ча-ча-ча!

По прилавку стукнула!

– Ча-ча-ча!

И случайно пукнула!
Тррррррр!

– Ча-ча-ча!

Обезьяна Чи-чи-чи
Отдыхала на печи!

– Ча-ча-ча!

Сальто с печки сделала...

– Ча-ча-ча!

Под себя наделала!
Тррррррр!

– Чирик! – крикнул сверху воробей Кутузов.

– Ты где был, голубь? – поинтересовался Петрович. – У нас репетиция, а ты прогуливаешь!

– Развлекаетесь? – Воробей перелетел Брауну на голову и выхватил бритву. – Развлекаетесь! А слон свинью утащил!

Звери побросали музыкальные инструменты и повскакивали. Зверчук быстро вскарабкалась по стволу и спрыгнула оттуда вниз.

– Как утащил?

– Куда утащил?

Звери сели думать, что теперь делать.

– Слон, гад, здоровый, – сказал Браун. – Нам его не завалить. Надо обмануть слона хитростью. У меня никаких мыслей нет. А у вас?

– У меня есть! Чирик! Надо подлететь к слону спереди и выколоть ему бритвой глаз! И сразу второй! – Кутузов махнул бритвой у самого уха медведя.

– Ухо заденешь – раздавлю! – пригрозил Браун.

– Он тебе хоботом как даст, – сказал Петрович, – от тебя, Кутузов, одна повязка на глаз останется!

– Я ему хобот отрежу! Подлечу сверху – хрясь!

– Не маши бритвой! Раздавлю!

– У него кожа слоновья, – сказала Зверчук. – Офигительно толстая!

– Какие еще есть соображения? – спросил медведь.

– Я знаю, что делать! – Петрович поднял ногу. – Нужно натравить на слона Кузнецова. Пока полужирный будет со слоном разбираться, мы свинью наспигуем!

– Гениально, Горби! – Браун шлепнул верблюда по горбу.

– Молодец! – Зверчук захлопала в ладоши. – Только я еще предлагаю подключить зебру Кащенко! Понятно?

– Ты чего, Зверчук? – возразил медведь. – Западло же!

– А свинью единолично драть не запаadlo?! – Зверчук подпрыгнула.

Медведь почесался.

– Ладно, – сказал он. – Кто пойдет к Кащенко?

– Зверчук предложила, вот пускай сама и идет, – чирикнул Кутузов.

– Пусть воробей слетает, – ответила мартышка. – Крикнет сверху и смотается.

Общаться с бандой зебры никому не хотелось. Во-первых, запахло все-таки. Во-вторых, можно за это легко и получить от зебры. В-третьих, если Кузнецов узнает, тоже проблема. Решили к зебре не ходить, а пойти сразу к Кузнецову.

Но по дороге они встретили Витю. Шакал сидел мокрый на берегу и трясся от холода.

Звери сразу догадались, почему шакал намок.

– Кузнецов буянит? – спросил Браун.

– А кто же? Ты ж меня знаешь, Браун! От кого бы я еще стерпел? А Кузнецов все-таки мой шеф! Субординация, понимаешь ли...

– За что он тебя сегодня?

– Слон утащил свинью, а мне досталось!

– Ого! Ну и слон! – притворился Браун. – Так кабан знает уже?

– Ага. – Витя вытер нос. – Шеф обещал ему отомстить и отобрать у него свинью!

– Так они же со слоном братья, – сказал Петрович.

– Брат у брата баб не ворует! Слон кабана больше не брат теперь!

– Это правильно. – Медведь сел рядом с Витей. – Только вряд ли кабан со слоном один справится. Больно брат слон большой... Тут покумекать нужно. – Браун бросил в воду камушек. – А что, если к этому делу временно Кащенко привлечь?

– Как это? – спросил шакал.

– Ну... Заключить с ней перемирие, напасть вместе на слона и победить его. А когда слон будет разбит и свинья снова окажется у Кузнецова, тот нападет на Кащенко и разобьет ее тоже. И тогда в лесу самым главным будет кабан. А тебе, Витя, все спасибо скажут.

– Мне-то за что? – Витя перестал трястись.

– А за то, что сейчас ты, Витя, побежишь к Кащенко и скажешь, что Кузнецов зовет ее, чтобы помириться и отбить у слона свинью. Понял, Витя? Ты, Витя, будешь героем леса.

Витя встал на ноги и заходил вдоль берега.

– А если Кащенко мне навалает?

– Вряд ли. Она сама спит и видит, как свинью попробовать. Побежит как бешеная!

– Это правда, – обрадовался шакал. – И я буду героем леса?

– Конечно! – кивнул медведь. – Тебе отдадут самый жирный кусок свинины! Давай беги к зебре!

– Пока мы тебе ускорения не придали! – добавил Петрович.

Глава 13, в которой петух Моисеев растягивает червяка Свистунова

Петух Моисеев спешил в лес. Нет, он больше не вернется в душный курятник с глупыми курами. Он бежал навстречу свободному лесу, где много ярких попугаев и других представителей свободного партнерства. Отныне никто не посмеет сказать, что он извращенец, отныне все будут относиться к нему с уважением. Никто не будет им помыкать и заставлять топтать куриц. Он родился птицей не для выработки яиц, а для самореализации!

На одном дыхании Моисеев ворвался в лес, перепрыгивая через поваленные деревья, корни и кочки. Он был погружен в свои мечты и внутренние дискуссии с оппонентами. И поэтому не заметил, как к нему на хвост сел страус Пиноккио.

Пиноккио никак не мог догнать этого уродя-в-жоппе-перья. Ну ничего! Не уйдет недоморок от бывшего страуса. Пиноккио схватит его, маленько пофутболит ублюдка, выдернет у него из хвоста все перья и вставит их к себе за ухо. Затем поднимет его повыше и даст ему хоррошего пинка. А потом он его продаст или поменяет на пять кило мотыля.

В животе у Моисеева заурчало. Урчание отвлекло его от мыслей. Петух сообразил, что уже несколько часов ничего не ел. Он остановился, огляделся и удивился. В деревне он всегда находил на земле просо или отруби, а здесь почему-то ничего такого не валялось. Моисеев нагнул голову пониже, поводит у земли носом и сказал вслух:

– Ко-ко! Ко-ко-ко! Где же мне найти пшено?

Голос у уroda с перьями оказался приятным. Ни у кого в лесу Пиноккио такого не слышал.

И тут Моисеев увидел, как из норки выползает жирный червяк. Петух схватил червяка клювом и потянул к себе. Червяк никак не хотел выниматься. Он растянулся уже на полметра.

«Пора», – решил Пиноккио.

Глава 14, в которой страус Пиноккио немного обалдел

Моисеев пятился назад, когда чья-то мощная и волосатая, но красивая нога наступила на червяка.

– Значит, взяли моего червяка и тащите его к себе в рот? – Пиноккио нарочно, для смеха, говорил на «вы». – Ни у кого не спросили разрешения, схватили за конец и вон как растянули его! Это что за дела?

Петух отпустил червяка Свистунова, и тот врезался головой в ногу незнакомца.

– Да что же вы, суки! – охнул червяк.

Моисеев поднял голову и увидел перед собой дикую птицу неземной красоты. Он и представить себе не мог, что на свете существуют такие красавцы. Это не была кричащая красота, как у попугая, это была строгая красота, которую оценит только настоящий интеллигент с тонким вкусом. У птицы были такие необычайно длинные ноги, такая стройная шея и такой изысканный хвост!

Моисеев приложил к груди крыло и заговорил дрожащим от волнения голосом:

– Ко-ко! О мой принц, простите меня великодушно! Я не знал, что это ваш червяк, иначе не стал бы ему растягивать! Сам я из деревни и еще не успел познакомиться с вашими порядками. Будьте же так любезны, станьте моим проводником и познакомьте меня с обычаями леса и его прекрасными обитателями. Со своей стороны я гарантирую, что вы можете положиться на меня как на верного товарища и партнера. Петух Моисеев! Всегда к вашим услугам! – Петух поклонился.

Страус обалдел. После таких заявлений пинать петуха было как-то неудобно. Как-то запаadlo теперь было его пинать. И вообще, расхотелось. Вблизи петух страусу понравился.

– Пиноккио моя фамилия. – Страус протянул петуху ногу. – Страус я.

Отпущенный червяк Свистунов влетел в норку и вздохнул с облегчением.

Его супруга Валентина Свистунова спросила:

– Чего-то забыл?

Глава 15, в которой пчела кусает Кащенко в круп и съедают тушу коровы

Банда Кащенко побежала разбираться с бандой Кузнецова. По дороге звери наткнулись на дикий мед, и зебру ужалила в круп пчела. Пришлось отложить на время разборку и подождать, пока у Кащенко спадет опухоль. Зебра лежала на животе и лечилась, а звери нашли тушу коровы и немного успокоились.

Но корову скоро доели, и всем опять захотелось кушать. Крокодил Полботинкин поставил вопрос о страусе Пиноккио, который поступил, по большому счету, как кабан. Страус при-

своил общую добычу и не дает никому по-честному свернуть деревенскому петуху шею. И вообще, позор! Страус топчет петуха! Эстеты!

Крокодил Полботинкин сказал:

– Развращающее влияние западной цивилизации!

Он приполз к зебре, у которой опухоль к тому времени стала поменьше, и изложил ей свои соображения.

Кашенко почесала морду копытом:

– Твои предложения?

– Предлагаю откусить страусу яйца. А петуха сварить на всех в супе.

Из кустов высунулась ослиная морда:

– У меня вопрос. А петуха сварят с яйцами?

– Посмотрим на его поведение, – сказал крокодил. – А если страус будет залупаться, то и его сварим.

Глава 16, в которой Баратынский летает

Осел Баратынский доел чертополох и пошел к водоему попить водички. Он шел и радовался, что Пиноккио, который так часто его пинал, получит теперь от всех зверей. Баратынский надеялся, что и ему удастся двинуть страуса пару раз копытом.

От хорошего настроения у осла появились в голове рифмы, и он начал сочинять стихи:

Мир совсем не так уж плох,
В нем растет чертополох.
Я сорву большой лопух,
Отгоню от жопы мух...

Но досочинить осел не успел. Баратынский вышел из кустов и споткнулся как раз о ногу страуса, который лежал там с петухом. Осел перелетел через ногу и ударился головой об дерево. Из глаз у него посыпались искры, а из головы вылетели все рифмы.

Пиноккио захохотал. Закудаhtал Моисеев.

– Какой ты у меня, Пиноша, чудный! – Моисеев погладил страусу ногу. – Я люблю тебя не только за то, что ты красивый и сильный, но и за то, что ты остроумный!

Пиноккио кинул в осла яблоком.

Яблоко больно ударило Баратынского по носу, и осел сел под деревом.

– Иай! – сказал он обиженно. – Ну все! Это последняя капля моего ослиного терпения. Из-за тебя я забыл стихи, которые придумал! Но ты за это заплатишь!

– Что ты сказал, осел тупой?! – Страус не поверил своим ушам. Никогда еще Баратынский не осмеливался так с ним разговаривать.

– Что слышал! – огрызнулся осел. – Перед обедом все звери соберутся и откусят тебе яйца за то, что ты меня обижал! А твоего петуха съедят в супе. Мне обещали ножку!

Пиноккио медленно поднялся, подошел к Баратынскому и дал ему такого мощного пинка, что осел, как шакал, пролетел по воздуху и упал в водоем на старую черепаху по кличке Гамбургер, которая загорала на листе кувшинки.

Баратынский так сильно ударился животом о ее панцирь, что весь воздух вышел из него, и осел пошел ко дну. Он бы так и утонул, если бы черепаха не вытащила его на берег и не отвесила бы ему такого пинка по заднице, что осел улетел обратно – туда, откуда прилетел. Страус встретил его коленом, и Баратынский полетел назад к Гамбургеру.

Черепаша была уже одной ногой в воде, когда увидела крутящегося в воздухе осла. Она резко приподняла жопу и отбила Баратынского панцирем. Несчастный осел, который уже думал, что это его последний перелет, опять полетел к страусу. Пиноккио подпрыгнул и встретил осла головой.

Голова у страуса была немного кривая, поэтому осел полетел вкось и черепахе пришлось бежать вдоль берега, чтобы успеть отбить Баратынского.

– Иааай! – пронесся над водой ослиный стон.

Пузыревич вынырнула посмотреть, кто это здесь перелетает, и квакнула от неожиданности:

– Куак!

Пиноккио так увлекся, что прыгал, забыв про неприятности. Но вдруг вспомнил, что сказал Баратынский. Страус плюнул на игру ослом, сел и задумался.

Баратынский наконец-то врезался в землю.

Глава 17, в которой Пиноккио и Моисеев рвут ногти

Пиноккио думал.

– Дело пахнет жареным, – сказал наконец он. – Надо нам, Петруша, рвать ногти.

– Рвать ногти? Ко-ко!

– Да. Нам нужно сматываться! Иначе тебе, Петя, крышка от кастрюли.

– Может, твой знакомый осел преувеличивает? Ко-ко! Я не верю, что такие прекрасные, свободные от предрассудков животные могут так поступить.

– Ты ошибаешься. Я этих животных давно знаю. Если они решили кого-то сожрать, им начхать на предрассудки. Мотаем отсюда! Прыгай ко мне на спину!

– Ко-ко! – Моисеев запрыгнул к Пиноккио на спину, и страус рванул.

Глава 18, в которой поймали вредителя

Куры неслись теперь регулярно. Но яйца были мелкие и не белые, как раньше, а какие-то голубые и в крапинку. Что, конечно же, не осталось незамеченным теми, кто был в них заинтересован.

Каганович проснулся, потянулся, тряхнул хвостом, спрыгнул с жердочки и вышел во двор поклевать просо. Наконец-то он достиг того, чего заслуживал. Больше не нужно надирать пупок за кусок хлеба и искать случайных связей. Теперь у него была надежная крыша над головой, полно жратвы и куча товарищеских куриц под крылом. Каганович даже немного растолстел от счастья.

В ямке сидела его любимая курица Табакова. Каганович прищурился и поскакал к ней, чтобы оттоптать по-утреннему, когда ему на голову вдруг опустился полиэтиленовый мешок.

– Попался, вредитель! – услышал попугай чей-то радостный крик.

Глава 19, в которой осла Баратынского выгнали из банды

Баратынский очнулся и побежал жаловаться зебре на двуногих извращенцев.

Кашенко дослушала осла и побагровела, потому что уже знала, что Пиноккио сдригнул. Зебра спустилась с возвышенности, схватила осла за уши и нагнула вперед и вниз.

– Иай! – завыл Баратынский.

– Это тебе за то, что ты, ишак, оставил банду без обеда. – Зебра дернула осла за уши, и Баратынский ударился подбородком в ее колено.

Если бы он был двуногим животным, вроде страуса, он бы не удержался на ногах. Он обязательно упал бы, и Кащенко залягала бы осла. Но осел был четвероногим, потому что небо заботится о тупых животных.

– Ты позоришь банду! – закричала зебра. – Из-за таких, как ты, зверей считают безмозглыми! Вон из банды!

Баратынский опустил ушастую голову и, шатаясь, зашагал прочь, сквозь расступившееся перед ним зверье.

Глава 20, в которой Пиноккио оказался меж двух стволов

Пиноккио бежал без оглядки. В голове не осталось ни одной приличной мысли. Только бы убраться подальше, а там уж сесть и как следует подумать про все дела. Главное, что они с Моисеевым унесли ноги.

Страус усмехнулся. Интуиция не подвела его. Он сразу почувствовал, что осел не гонит: слишком уж тот тупой.

Дерево слева, куст справа, дерево справа, дерево слева, куст, дерево, пенек – ррраз! – перепрыгнул, дерево слева – раз! – обошел, дерево прямо – раз! – обошел, говно прямо – раз! – не наступил, ну и куча, это слон – раз! – дерево справа – раз! – яма – раз! – нора – раз! – перепрыгнул, червяк Свистунов высунулся («успею хвост оторвать?») – раз! – ушел под землю, два дерева прямо, между ними – щель... Раз!..

Страус застрял между двух деревьев. Моисеев, сидевший у страуса на спине, перелетел через него и приземлился в кусты диких роз.

Пиноккио открыл глаза и поднял голову. Впереди под кустом лежал и жалобно кудахтал его бойфренд. Хвост у петуха ободрался, а из красного зада торчали длинные шипы. Страус дернулся вперед, чтобы помочь петуху, но не смог. Его туловище крепко застряло меж двух стволов.

Глава 21, в которой страус Пиноккио и петух Моисеев летают

Баратынский шел по лесу и жевал чертополох. Все кости у него болели. Уши висели по бокам головы, как китайские косички. А хвост болтался за спиной, как тряпка, и стал бесполезен против мух. Мухи свободно ползали по ослиной жопе и кусали ее в свое удовольствие.

Вдруг Баратынский услышал петушиное кудахтанье. Сначала он хотел драпануть, но, прислушавшись, разобрался, что Моисеев не просто кудахчет, а стонет. Баратынскому стало любопытно. Он пошел на звук и вскоре вышел к двум деревьям, между которых задом к нему застрял страус. Впереди под кустом лежал Моисеев.

– Иа! – обрадовался Баратынский. Само небо позаботилось о том, чтобы он смог отомстить обидчикам.

Осел обошел Пиноккио и посмотрел ему в глаза, чтобы страус знал, кто тут мститель.

Увидев осла, Пиноккио поморщился.

– В глаза смотреть, Штраус! – заорал Баратынский. – Иа!

Страус опустил голову так низко, что его клюв уткнулся в траву.

– В глаза, я сказал! – Осел копытом приподнял страусу голову. – Это я, осел! Иа! Чтоб ты знал, ослы будут править миром!

Пиноккио поднял голову и харкнул Баратынскому в морду.

– Иай! – отскочил пораженный Баратынский. – Ах так!.. – Он подошел к Моисееву, который все стонал и стонал, и пнул петуха копытом. – Именно ослы, а не двуногие извращенцы! – Моисеев перелетел, как несчастный Маленький принц, через розовый куст и исчез за растеньями.

– Ё-ы-ы! – мучительно завыл страус. – Гад ты паршивый! Ослина!

Баратынский зашел сзади и занес ногу, чтобы врезать теперь страусу, но подумал, что лучше получится с разбега. Он отошел подальше, наклонил голову и побежал ушами вперед. Но когда поднял голову, понял, что промахнулся, и страус остался слева. Баратынский влетел в кусты ежевики и здорово ободрался.

Сзади захохотал Пиноккио.

Осел выбрался из кустов, встал на исходную позицию, нагнул голову и побежал на страуса снова. Нагибать голову он научился у быков: осел видел, как те сшибаются. Во второй раз ослу не повезло меньше: он просто поскользнулся на слоновьей куче.

Страус опять заржал.

– Сейчас тебе будет не до смеха! – сказал Баратынский, вытирая копыта об траву.

Он хорошенько прицелился, нагнул голову и побежал.

И не промахнулся! Точно врезал страусу ногой в зад! Пиноккио выскочил из стволов и полетел через те же кусты за Моисеевым.

– Иаааа! – победоносно заорал Баратынский, поднялся на задние ноги, опустил на все четыре и пошел дальше в приподнятом настроении. Он больше никого не боялся. Попадись ему теперь под копыта кабан Кузнецов, осел и его бы пнул! Попадись зебра, он бы и ей врезал!

От восторга Баратынский снова принялся сочинять стихи:

Ослик был ужасно зол,
Ослик был суперосел,
Ослик по лесу идет,
Всем урок преподает —

Обезьяне, воробью:
«Всем по жопе надаю...»

Глава 22, в которой извращенцы идут к бандерлогам

Пиноккио приземлился прямо на Моисеева.

– Куда?!! – только и крякнул Моисеев, придавленный своим увесистым партнером.

Если бы Моисеев был курицей, кем он, наверное, и должен был быть, из него бы теперь вылезли все яйца. А так из него вылез лишь один унылый помет.

Пиноккио встал, шатаясь, подошел к дереву, его стошнило. Он вытер клюв коротким крылом, сел и посмотрел на Моисеева, лежавшего, распластав крылья, с грязной задницей.

Пиноккио взял петуха за ножки и поволок к речке. Там опустил в воду и прополоскал любовника.

Моисеев открыл глаза:

– Кооо! Мне плохо! Ко-кох!

Пиноккио положил петуха на берег сушиться. Настроение у страуса совсем испортилось.

– Я нарушил закон джунглей. – Страус был честен с собой. – Теперь мы покойники. Таких, как я, не прощают. В джунглях оставаться нельзя. Но мы можем спрятаться в заброшенном городе, где живут бандерлоги. Они не соблюдают закона джунглей. Теперь мы, как и они, изгои.

Петух слушал и смотрел одним глазом. Второй глаз у него заплыл.

– Непростая жизнь ждет нас там. – Страус глядел на воду. – А может, нам, Петруша, к тебе в деревню?

– Что ты! – Моисеев попытался сесть, но не смог. – Нас тут же разлучат! Из меня сварят суп, а тебя заставят топтать глупых кур, чтобы получать большие яйца!

Перспектива топтать кур не очень пугала страуса – история его извращения едва началась. Но если Моисеева сварят, он себе этого не простит.

– Тогда делать нечего, – страус вздохнул и выдернул у Моисеева из задницы шип, – идем к бандерлогам.

Глава 23, в которой зебра Кащенко соображает

Кащенко хотела броситься за Пиноккио в погоню, но потом вспомнила, что уже давно собиралась отбить у кабана свинью. Задумавшись, зебра махнула хвостом и чуть не прибила Дермонухину, которая прилетела ей нажужжать, что свинью увез в заброшенный город слон Носов. Зебра села под дерево думать, но тут крокодил Полботинкин и кенгуру Бутылкина привели к ней шакала Витю с шишкой во рту.

– Поймали кузнецовского лазутчика! – доложил Полботинкин. – Можно я откушу ему яйца?

Витя дернулся и получил от Бутылкиной ногой.

Из сумки у кенгуру высунулась заспанная морда ее сожителя зайца Динамо.

– Не дергайся, мать, я сплю, – сказал заяц и снова исчез в сумке.

– Выньте шишку, – приказала Кащенко. – Пусть говорит.

Полботинкин выполнил приказание.

– Говори. – Он хлестнул Витю хвостом.

– Меня послал Кузнецов. Шеф предлагает заключить перемирие, чтобы объединиться и навалить слону Носову! Поодиночке мы слону не навалием!

– Зачем мне это надо? – спросила зебра. – У меня со слоном нормально.

– Слон украл свинью!

– Знаю! – Кащенко закинула ногу на ногу. – Он же не у меня ее украл. Кабан первым свинью присвоил, нарушил закон джунглей!

– Шеф признает свою ошибку и предлагает поделить свинью пополам.

Зебра задумалась. Если они помирятся, порядка не будет. Начнется беспредел. Чтобы в лесу был порядок, необходимы две банды. Две мощные группировки, которые не дают беспредельничать другим. Но если теперь свинью не сожрать, звери не поймут. Придется временно объединиться с кабаном, отбить у слона свинью, а потом... А потом Полботинкин подползет под кабана и откусит у него яйца. План готов.

Кащенко сказала шакалу:

– Передай Кузнецову, что я согласна.

Глава 24, в которой звери курят

Носов со свиньей на спине подошел к полуразрушенным, заросшим плющом стенам заброшенного города. На перекошенных, ржавых воротах сидела горилла Махно и ела бешеный огурец.

– Привет, Махно! – протрубил Носов.

– Салют, Носатый! Какими судьбами? – Бандерлоги, хоть и не соблюдали законов джунглей, со слонем отношения поддерживали из-за его бесспорных габаритов. А Носов со всеми дружил, потому что был справедливый.

– Вот пришли на экскурсию. Это Роза Петровна. – Он показал на свинью хоботом. – Она хочет посмотреть ваш город.

– А чего! Па-жа-лста! – Махно пожал плечами. – Чего тут смотреть-то? – Он спрыгнул с забора. – Всё засрали!

– Не выражайся. – Слон погрозил обезьяне хоботом. – Тут же дама!

Махно посмотрел снизу на Колбаскину:

– Дама из Амстердама. – И горилла исчезла за воротами.

Слон прошел внутрь. Там Колбаскина увидела руины домов и много-много обезьян. Обезьяны прыгали, орали, гадили и дрались между собой.

– Хрюй, – разочаровано сказала свинья, – я думала, здесь культурно и чистенько... А здесь хуже, чем в лесу. Антисвинитария! Наверное, полно вредных микробов! Товарищ Носов, нельзя ли нам уже уехать отсюда? Хрюй!

Но тут обезьяны заметили слона и завизжали так, что у Колбаскиной зазвенело в ушах. Одна обезьяна залезла на спину к другой, и они стали ходить взад-вперед, изображая свинью на слоне. Большая старая обезьяна врезала им по жопе. Это был вожак бандерлогов Бабаян.

Бабаян поклонился слону и сказал:

– Здравствуй, брат Носов! Рады тебя видеть. Наш дом – твой дом. Отдохни, расслабься, покури дури. – Бабаян махнул лапой. Обезьяны расступились. Перед слонем и свиньей открылась огромная куча из фруктов и пучков зелени.

Носов приставил к уху Колбаскиной хобот и прошептал:

– Давайте, Роза Петровна, примем приглашение и немного посидим, а то как-то неудобно. Они старались... – Слон поклонился бандерлогам и приложил хобот к сердцу. – Спасибо, братцы обезьяны! С удовольствием принимаем ваше приглашение!

Они сели у кучи. Слон вспомнил, что у него болит живот и ему лучше бы воздержаться от фруктов. Но не захотел обижать хозяев отказом и сразу съел пять дынь, восемь кабачков, два арбуза, тыкву и сотню апельсинов.

А Роза Петровна кушала огурцы, по которым успела соскучиться в лесу. Ей уже начинало тут нравиться.

Бабаян достал трубку.

– Покурим? – предложил он гостям.

– Покурим, – кивнул слон.

– А свинья твоя будет? – спросил Бабаян.

Слон покраснел.

– Роза Петровна, – сказал он строго, – еще не высказалась определенно, моя ли она свинья или не моя.

– Миль пардон... Дама, курить дурь будете?

– А хорошая ли дурь? – Колбаскина захрустела коркой. – Я, вообще-то, не курю. Но... хрю... интересно попробовать.

Бабаян протянул Колбаскиной трубку.

Свинья вытянула пяточек, затаилась и закашлялась. Носов постучал ей хоботом по спине.

– Будь здорова, не кашляй, – сказал он.

У Колбаскиной подогнулись копытца, и она зарылась пяточком в землю. Огурец, который ела свинья, приклеился к ее лбу.

Бабаян засмеялся.

– Товарищ Носов, – хрюкнула Колбаскина, – я вам не давала повода на такую фамильярность! Значит, если ваш брат грубо покрывал меня, как хотел, то и вам позволено бить меня своим хоботом по спине? Да?.. Нет! Вы ошибаетесь! Я терпела вашего так называемого брата только потому, что была поставлена в стесненные условия! У меня были нюансы. Но теперь, когда я смею надеяться, что свободна, крайне низко напоминать мне о том, что я стала невольной жертвой! Хрюй! Я думала, что вы благородное животное, товарищ Носов! А вы оказались подлый, как неразвитый кабан, низкий слон! – Колбаскина зарыла пяточек в копытца и зарыдала.

– Круто заворачивает! – Бабаян вытащил изо рта трубку и захохотал. – У-ху-ху-ху-ху! У-ху-ху-ху-ху! У-ху-ху-ху-ху! На, пыхни! – Он протянул трубку Колбаскиной.

Свинья непроизвольно затаилась и сказала Бабаяну:

– А вы, товарищ Бабаян, тоже хороши! Другие бы на вашем месте предложили даме попить водички, а не совали бы им в пятак свои вонючие трубки!

Бабаян от хохота упал на спину и теперь перебирал в воздухе ногами, как велосипед. При этом он крутился по часовой стрелке вокруг своей головы.

А слону было не смешно. Ему было стыдно. «Уж лучше бы она застучала меня какающим, – подумал Носов. – Как же я мог позволить себе быть с ней таким грубым?»

– Роза Петровна... – Носов осторожно подергал свинью хоботом за плечо. – Не обижайтесь, пожалуйста! Я случайно так сделал, не рассчитал... Простите меня...

У Розы Петровны в голове так быстро крутились мысли, что она к этому моменту уже забыла, из-за чего, собственно, она обиделась на слона, но как женщина точно знала, что Носов виноват. И решила его пока не прощать.

– Легко обидеть маленькую беззащитную женщину такому здоровому парню! Если хотите, можете меня еще за хвост дернуть! – Она повернулась к слону своим крючком.

У слона несознательно встал.

– Ну и барометр! – Бабаян чуть не задохнулся от смеха.

Носова рассердило это замечание, он хотел стукнуть Бабаяну хоботом по голове, чтобы тот больше так не шутил, но тут в город ворвался страус Пиноккио с петухом Моисеевым на шее. Слон был знаком с Пиноккио и даже приходился ему родственником: у них вроде бы были общие предки, от которых страусу достались короткие крылья, а слону длинный хобот. А того красножопого, который сидел у страуса на шее, Носов видел впервые.

Зато Роза Петровна узнала красножопого сразу. Свинья вскочила на ноги и бросилась навстречу.

– Хрюй! – Роза Петровна, расставив передние ножки, бежала так быстро, что Пиноккио отпрыгнул, испугавшись. Извращенцы часто пугливее других. А уж после того, как страус получил от Баратынского, он стал очень осторожным животным.

Пиноккио отпрыгнул и хотел сунуть голову в песок, но вместо песка со всей силы двинул ею о булыжную мостовую. Он так сильно стукнулся о камни макушкой, что мгновенно потерял сознание и повалился на бок.

– Кудах-тах-так! – Моисеев сорвался со страуса и перелетел Бабаяну на голову.

Бабаян вскочил на ноги и лапой стряхнул Моисеева с головы. Петух получил ускорение, влетел в гору фруктов и по самый гребешок воткнулся головой в дыню. Он уперся лапками рядом с носом и замахал крыльями.

– Шер ами Моисеев! Мон дью! – закричала свинья по-интеллигентному. – Как вы здесь оказались?!

Но Моисеев не мог ответить. Он отчаянно вилял задом и махал крыльями так, что у Бабаяна с головы сдуло бейсболку.

Колбаскина всплеснула ножками, схватила Моисеева за остаток хвоста и дернула. Хвост выдернулся легко. У петуха от стресса обострилась склонность к облысению.

– Есть здесь мужчины или нет? – закричала Роза Петровна, махая над головой петушиным хвостом. – Кто-нибудь наконец выдернет Петрушу?!

У Носова появился шанс реабилитироваться в глазах свиньи. Он размахнулся хоботом и врезал по дыне. Дыня разлетелась на куски, и петух Моисеев, откинувшись на спину, замер с куском дыни на носу.

Таким образом, и страус, и петух отключились, и узнать, зачем они сюда пожаловали, не представлялось возможным.

Но тут в город случайно забрел осел Баратынский. Он сочинял стихи и ничего вокруг не замечал. Осел шел, опустив голову, и бубнил под нос рифмы:

У меня большие уши,
Длинные-предлинные,
Так случилось, потому что
Кровь моя старинная.

Лишь у тех, кто лучше всех,
Есть такие уши.
Ожидает их успех,
Яблоки и груши...

Осел остановился. Перед ним лежал на боку и молчал страус. Осел перестал думать про стихи и сказал:

– Иа! Ничего себе, я сильный какой! Я так пнул страуса, что он аж вон куда перелетел! А когда он пинал меня, я не так далеко улетал. Иа!

– Ты что здесь делаешь, Баратынский? – спросил Бабаян как глава администрации. Раньше осел в город не заходил.

– Иа! – Осел увидел Бабаяна. – Меня выгнали из банды за то, что я честный и сильный! Никто не любит зверей, которые честнее и сильнее всех! Иа.

– А что ты такого честного сделал? – удивился Бабаян, который знал Баратынского неплохо.

Но тут осел заметил Носова с Колбаскиной, забыл про Бабаяна и сказал слону:

– Иа, Носов! Зебра Кащенко собирается помириться с Кузнецовым, чтобы вместе напасть на тебя, побить, отнять у тебя свинью и съесть пополам. А лось Филипп надеется, что ему позволят воспользоваться свиньей как женщиной! Иа! Они идут сюда!

От этих ослиных слов в груди у Носова закипело. Он стал бешеным слоном. Носов вскинул хобот и так оглушительно затрубил, что в заброшенном городе разрушилась еще одна башня и с полсотни обезьян зашибло кирпичами. А потом слон ударил хоботом по фруктовой куче, и во все стороны полетели куски и брызги. Мартышки завизжали и попрятались.

А одна макака, которая решила, пока все базарят, курнуть из бабаяновской трубки, получила куском арбуза по спине и вместе с трубкой впечаталась в стену.

- Круто прибило, – сказала она напоследок.
- Ну все! – Носов топнул ногой. – Пусть только сунутся! Особенно кабан! Швайн!

Глава 25, в которой шакал Витя оказался между двух стволов

Шакал Витя бежал изо всех сил. Он спешил к шефу, чтобы сообщить ему, какой он, Витя, молодец, как ловко придумал победить Носова и Кащенко одним ударом. Когда кабан станет единоличным хозяином леса, он назначит Витю своим главным помощником и представителем. И тогда Витя заживет! Он построит себе лучшее после шефа логово, будет вдоволь есть падаль и возьмет кличку Окелло, о которой давно мечтал.

Витя бежал так быстро, что ничего вокруг не замечал.

Дерево слева, куст справа, дерево справа, дерево слева, куст, дерево, пенек – ррраз! – перепрыгнул, дерево слева, дерево прямо – раз! – обошел – раз! – обошел, говно прямо – раз! – не наступил, ну и куча, это слон, чтоб его, – раз! – дерево справа – раз! – яма – раз! – нора – раз! – перепрыгнул, червяк Свистунов высунулся («успею хвост оторвать?») – раз! – ушел под землю, два дерева прямо, между ними – щель... Раз!..

Он застрял между двух деревьев.

Витя дернулся и взвыл от боли. На этот раз он застрял капитально. Деревья были не такие податливые, как слоновье дерьмо. Шакал уронил голову и завыл на весь лес. Неужели такая глупость разрушит его грандиозные планы?!

Глава 26, в которой Носов краснеет

Когда Моисеев и Пиноккио очнулись, их ввели в курс дела. Пиноккио сразу согласился встать на сторону слона. Моисеев тоже согласился.

– Где страус, там и петух! – сказал он.

Но от Моисеева как от бойца толку было немного, и Носов поручил ему охранять свинью в сарае. Колбаскину отвели в один чистенький сарай и навалили ей кучу фруктов.

– Я тут буду скучать, – пожаловалась Колбаскина Носову.

– Я тоже буду без вас скучать, Роза Петровна, – ответил слон и покраснел. – Но придется немного потерпеть для того, чтобы дальше у нас получилась счастливая жизнь.

– Я так не могу. – Роза Петровна села в угол, взяла из кучи огурец и захныкала. – Счастливая жизнь будет неизвестно когда, а терпеть вы мне предлагаете уже сегодня! Хрюй!

– Но если вы, Роза Петровна, теперь немного не потерпите, тогда и счастья у нас в будущем не будет... с вами.

Колбаскина хрустнула огурцом.

– Вы говорите со мной так, как будто я дура и не понимаю, – сказала она наконец. – Раз уж вокруг нет ни одного мужчины, который может обеспечить бедной женщине достойную обстановку, придется сидеть в сарае и есть огурцы, как будто нет на свете занятий поинтереснее.

Слон помотал хоботом и подумал, какая хорошая у Бабаяна травка и как долго она действует.

– С вами, – сказал он, – посидит ваш друг из деревни, он отвлечет вас от грустных мыслей, пока меня нет.

– А вы не боитесь оставлять меня наедине с мужчиной? – спросила Колбаскина и взяла новый огурец.

Честно говоря, Носов подумал об этом только теперь. Он нахмурил лоб, подумал дальше, а потом сказал:

- Он петух. А вы не курица, Роза Петровна.
- Вы, товарищ Носов, тоже, между прочим, не боров, – возразила Роза. – Однако намекали мне, что между нами могло бы что-нибудь получиться!
- Носов покраснел так, что стал похож на большой арбуз без корки.
- Поживем – увидим, – промямлил он, повернулся и пошел занимать позиции.

Глава 27, в которой слон Носов думает о превратностях войны

Над воротами повесили ведро с камнями, сверху на заборе сидела обезьяна Махно и держала конец веревки. Бабаян приказал мартышкам рассыпать диких зеленых яблок. Сразу за яблоками набросали банановые шкурки, чтобы нападающие, решив, что все уже позади, могли поскользнуться по второму разу. Для тех, кто смог бы преодолеть и это, выкопали яму, в которую попросили покакать слона.

«Слава богу, что я уже отвел Розу Петровну, не всегда женщинам нужно видеть превратности войны, – думал Носов, сидя над ямой. – И живот больше не болит».

Подготовив поле битвы, звери заняли позиции. Страус спрятался в куче фруктов. Баратынский встал за деревом и в ожидании ел кору. Сложнее всех было спрятаться Носову. Сначала он спрятался за кустами, но оттуда торчали его спина и уши. Тогда он спрятался за одним из домов, но неосторожно прислонился к нему, и дом рухнул. После этого слон решил просто лечь, а сверху на него навалили листьев. Получилось нормально. Только хобот торчал. Тогда обезьяны выкопали специальную канаву и уложили в нее хобот. Стало совсем хорошо.

Лежавший на земле Носов первым услышал приближение врага.

– Я слышу, как дрожит земля от топота ног! – сообщил он из-под листьев.

Глава 28, в которой у верблюда Петровича появилась суперидея

Медведь Браун, верблюд Петрович, обезьяна Зверчук и воробей Кутузов осторожно подошли к старому городу. Зверчук, которая тут раньше жила и знала все ходы-выходы, пошла на разведку. Она пролезла через дырку в заборе и исчезла за ним. Оставшиеся звери притаились в кустах.

– Есть суперидея, – прошептал верблюд Петрович. – Давайте украдем свинью, пока идет бой. Они будут драться, а мы ее украдем и быстро съедем. Потом уже по фигу, кто победит! А мы знать ничего не знаем и слышать не слышали!

– Голова, Горби! – Браун хлопнул верблюда по горбу.

– Зарежем, в жопу, свинью! – Кутузов выхватил бритву и махнул ею над самым ухом медведя. – Чирик-кирдык!

– Убью, – предупредил Браун.

Воробей перелетел с его головы верблуду на горб и сел точить бритву о ремень.

Скоро из дырки вылезла Зверчук.

– Порядок! – сообщила она. – Свинья в сарае. Охрана фуфло! Один петух гамбургский! Работы раз плюнуть!

– Мы так и планировали. – Петрович поправил очки.

– Зарежем петуха! – чирикнул Кутузов.

– И сварим в супе! – Браун потер лапы.

– На первое! – кивнул Петрович.

– Чур мне мозги! – объявила Зверчук.

Глава 29, в которой банда Кузнецова нападает

Защитники свиньи застыли в ожидании врага. Деревья затрещали, и из леса выскочила банда кабана Кузнецова «Драконы из пещер». Впереди скакал сам вожак в ржавой каске времен войны слонов с бегемотами. Туловище кабана было раскрашено по-боевому. За Кузнецовым скакали остальные члены банды: бегемот Жаботинский, дикобраз Ирокез, бобр Гельмут, олень Хайбулин, лиса Алла, хорек Филя, хомяк Боря, морская свинка Сильва, любовница кабана, и прочие. Сверху летела авиация: комар Децл, лысый орел Фантомас, пеликан Чингисхан, цапля Клава и птица-секретарь Мао, которая, вообще-то, летала не очень хорошо. Секретарь Мао подпрыгивала, пролетала невысоко над землей метра три, а потом метров пять бежала за кабаном. Но в таком режиме она тоже могла что-нибудь поднять и сверху скинуть. Поэтому считалась авиацией типа дирижабля. Последними летели дикие пчелы во главе с пчелиным трутнем Фиделем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.